

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ПРОБЛЕМЫ
СОЗНАНИЯ В ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ

Часть I

Дуйсенбеков Даулет Дубекович - д-р психологии, проф.,
Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
Алмата, Респ. Казахстан, dauletdd@mail.ru

Аннотация. Проблема сознания в психологической науке является центральной и системообразующей, как исторически (различные психологические школы строили свои теории и концепции, либо основываясь на фактах сознания, либо пытаясь их игнорировать), так и структурно (практически во всех построениях системы психических явлений сознание выступает в качестве ведущей морфологической основы психики человека). Помимо и до психологического анализа этой проблемы выделяется трактовка сознания как философской категории, в соответствии с которой "сознание обозначает субъективную форму (целесообразность) человеческой жизнедеятельности, в отличие от ее объективного содержания (ее материальных условий, предметов и средств)" [1, 347].

Ключевые слова: общая психология, сознание, методология.

METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE PROBLEM ANALYSIS
CONSCIOUSNESS IN GENERAL PSYCHOLOGY

Part I

Duisenbekov Daulet Dubekovich - Doctor of Psychology, Professor,
Al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Rep. Kazakhstan, dauletdd@mail.ru

Annotation. The problem of consciousness in psychological science is central and system-forming, both historically (various psychological schools have built their theories and concepts, either based on the facts of consciousness, or trying to ignore them), and structurally (in almost all constructions of the system of mental phenomena, consciousness acts as the leading morphological basis of the human psyche). In addition to and before the psychological analysis of this problem, the interpretation of consciousness as a philosophical category is highlighted, according to which "consciousness denotes the subjective form (expediency) of human life activity, in contrast to its objective content (its material conditions, objects and means)" [1, 347].

Keywords: general psychology, consciousness

В методологических построениях и представлениях всех психологических направлений сознание было и остается категорией, либо составляющей каркас психологии как науки, либо выступающей в качестве предмета игнорирования, которому противопоставлялись альтернативные версии психологии. Так, эмпирическая ассоциативная психология на протяжении XVIII и XIX веков оперировала тремя категориями: сознание, чувство и воля. Категории действия, образа, мотива, личности и отношения разработаны той или иной школой, возникшей вследствие первого открытого кризиса психологии начала XX столетия. Так выглядит категориальная система, предложенная в историко-психологическом анализе М.Г. Ярошевского: действие – бихевиоризм, образ – гештальт-психология, мотив – психоанализ, личность – теория поля К. Левина, отношение – интеракционизм [2]. Проблема сознания опосредованно присутствует по меньшей мере в каждой из них: имплицитно в категории действия как предмет игнорирования и позднее, как нечто исходящее из предшествующего опыта в форме "промежуточных переменных"; в категории образа как врожденная целостная структура, детерминирующая характер гештальтирования стимуляции; в категории мотива как сфера психики, пытающаяся контролировать импульсы бессознательного и доминировать над ним; в категории личности как ее внутренний мир, доступный для изучения только особым клиническим методом; в категории отношения как социальная сфера психики, формирующаяся в процессе социализации.

Развитие отечественной психологии в исследованиях Л.С. Выготского, П.П. Блонского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии и др. фактически вернуло проблеме сознания статус основополагающей категории психологической науки. Так, А.Н. Леонтьев обосновал методологическую взаимосвязь и взаимообусловленность трех базовых категорий психологии – деятельности, сознания и личности [3]. А.Р. Лурия представил эволюционную динамику четырех форм поведения – инстинктивного, индивидуально-изменчивого, интеллектуального и сознательного [4], которые могут рассматриваться как категориальные и операциональные понятия.

В функциональном плане сознание человека характеризуется единством отражательной, регулятивной и дифференциальной функций. Первоначально разрабатывалась отражательная сторона сознания. Так, Аристотель (384-322 гг. до н.э.) под разумной функцией души подразумевает человеческое сознание, а также помимо пяти основных чувств (сенсорных модальностей) выделяет так называемое "общее чувствилище", позволяющее человеку воспринимать и обобщать свойства окружающих его предметов и явлений.

Крупнейший богослов раннего средневековья Блаженный Августин (354-430) вводит постулат о самоочевидности человеческого сознания, говоря о том, что первичным и непосредственно данным человеку является знание о его знании (*scio me scire* – "я знаю, что я знаю"), т.е. в сознании отражается конкретная, познаваемая реальность.

Один из основателей европейского рационализма, французский медик и естествоиспытатель Рене Декарт (1596-1650) в контексте представлений о том, что природу можно полностью объяснить законами математической механики и все "физические, химические и физиологические ... процессы могут быть сведены к машинным моделям", уже на новом уровне продолжает развивать заложенную Аристотелем дуалистическую дихотомию души и тела. При этом, рассуждая о человеке, Р. Декарт использует понятие "разум" (сознание), который "является творческим и рационалистическим" – свойство, закрепляемое им в знаменитой формуле "*cogito ergo sum* – мыслю и сознаю, значит, существую". В соответствии с такой рационалистической постановкой вопроса, отражение в сознании физического и социального мира "начинается с интуиции собственного существования, основанной на идее мыслящего "Я", т.е. на идее отражающего и перерабатывающего реальность самосознания человека [5, 14-15].

Основатель философии сенсуализма и исходных постулатов ассоциативной психологии Джон Локк (1632-1704) первым предложил произвести замену темного, неподдающегося научному анализу понятия души рациональной категорией сознания. Согласно Дж. Локку, в сознании человека непосредственным образом отражаются идеи, которые можно разделить на две группы. Первой группе идей соответствует объективное содержание и в них отражаются *первичные качества* предметов, такие как движение, протяженность, форма, число. Второй группе идей соответствует субъективное содержание и в них отражаются *вторичные качества* предметов и явления, такие как цвета, звуки, запахи. Таким образом, чувственный опыт человека состоит из физического и психического, а его сознание, как отражение этого опыта, строится из двух частей, внешней (ощущения) и внутренней (рефлексия). При этом Дж. Локк раздвинул рамки философии сенсуализма, предложив ассоциативные принципы образования сложных идей из простых в пространстве человеческого сознания [5, 16].

Другой, не менее яркий деятель европейского рационализма и выдающийся математик Г.В. Лейбниц (1646-1716) разработал концепцию монадологии, в соответствии с которой Вселенная состоит из монад – психически деятельных субстанций, находящихся в отношениях гармонии, предопределенной богом. "Каждая монада содержит в себе историю и будущее

мира, который непрерывно развертывается во времени", а человек вместе со своим сознанием это монада – индивид, блуждающий по Вселенной. При этом монады различаются по направленности, одни способны только к восприятию – перцепция; другие к рефлексии – апперцепция. Действительно, в структурно-содержательном плане психика и сознание это органичное единство и целостность перцепции и апперцепции, мотивации и рефлексии, побуждения и действия. На основе этих представлений и, в частности, представлений о воспроизводстве монад, Г.В. Лейбниц первым указал на возможность машинного моделирования мышления человека, а в более широком плане всей системы сознания, введя в научный обиход понятия "алгоритм", "изоморфизм" и "модель" [5, 18]. Если человек и его сознание это монада – индивид, сформированное на основе неких божественных алгоритмов, сам же человек изоморфен (уподоблен, создан по подобию) богу, а его сознание – несовершенная модель божественного замысла, то современные компьютеры, роботы и их программы, создаются на основе вводимых человеком алгоритмов, они в той или иной форме изоморфны человеку, а их процессоры являются действенными моделями человеческого сознания, которые в перспективе могут превзойти исходный оригинал.

Представитель идеалистической философии "солипсизма" (одно из направлений агностицизма – учения об отрицании объективной реальности) Дэвид Юм (1711-1776), пытаясь описать и объяснить функционирование человеческого сознания вне его связи с объективной реальностью, вводит представление о "гомункулусе", находящемся в голове человека наблюдателя, сканирующего представленные во внутреннем опыте образы предметов. Игнорирование Д. Юмом активности "Я" при описании этого процесса привело к возникновению механистической теории субъекта (носителя сознания), "понимаемого как пучки идей, динамика которых задается законами ассоциаций" [5,18].

Один из основоположников классической идеалистической философии Иммануил Кант (1724-1804), рассуждая о феномене "чистого разума", предположил, что интегральными компонентами сознания человека являются чувственный (сенсорно-перцептивный и аффективный) опыт и априорные категории рассудка (предшествующие установки). В условиях обыденной жизни интроспекция позволяет человеку "осознать лишь некоторую амальгамму обоих", картинка содержания сознания поэтому субъективна и непрерывно меняется и, как следствие, никогда не может быть абсолютно полной и идентичной реальности и поэтому к таким феноменам внутреннего опыта (феноменам сознания) неприменима математика. В то же время И. Кант, пытаясь

объяснить работу сознания при отражении непрерывно поступающих извне чувственных данных, вводит понятие "схемы", которая как результат предшествующего опыта вырабатывается сознанием, а затем в форме правил "продуктивного воображения" накладывается на постоянно меняющиеся компоненты чувственного опыта. Наметив перспективы интроспективной психологии, как самостоятельной области знания, И. Кант обосновывает тезис о продуктивности человеческого разума, тем самым указывая на возможности изучения не только отражательной, но и регулятивной стороны сознания человека.

Вильгельм Вундт (1832-1920), закрепивший созданием первой в мире психологической лаборатории самостоятельный статус психологии как науки, разграничивает непосредственно доступные данные интроспекции и косвенный характер знаний об окружающей реальности. Инстанцией и механизмом такого разграничения является человеческое сознание, совокупность феноменов которого и должна изучать опытным путем психология. На основе экспериментальных исследований особенностей восприятия и внимания В. Вундт разрабатывает теорию "двух уровней сознания – перцепции и апперцепции, которым соответствует два типа объединения его элементов – ассоциативный и апперцептивный". При этом если ассоциативный способ является механическим связыванием элементов опыта, то апперцептивный способ объединения может рассматриваться как своеобразный творческий синтез наличных ощущений и аффективно окрашенных переживаний, генерируемых предшествующим опытом. Сознание в этом случае представляет собой особую субъективную сферу, в которой сталкиваются и перемешиваются два потока – ощущения, порождаемые внешней стимуляцией (перцепция) и переживания, порождаемые личностью (апперцепция). Возникновение апперцептивных образов сопровождается волевым усилием, вследствие чего происходит более или менее отчетливое осознание их содержания с переводом этого содержания в "фокальную зону внимания" или "фиксационную точку" сознания. Это соотносится также с разработанной В. Вундтом трехмерной теорией эмоций, в соответствии с которой все содержания сознания локализируются в координатах "удовольствие – неудовольствие", "напряжение – расслабление", "возбуждение – успокоение". Вместе с тем, по мнению В. Вундта, объединения элементов сознания по апперцептивному типу происходят "по законам особой психологической причинности. Одним из таких законов является зависимость части от целого" [5, 23-24]. Если такой "частью" является непосредственно поступающие чувственные данные, то в качестве "целого" наряду с прошлым сенсорно-перцептивным опытом может выступать личность

с характерным для нее социокультурными представлениями и знаниями. Последнее, скорее всего, и легло в основу представлений В. Вундта о будущей наиндивидуальной "психологии народов", которая должна быть нацелена на изучение сознания человека с учетом его социальных и культурных составляющих и переменных.

Еще большее стремление выявить связи сознания и личности можно обнаружить в работах Уильяма Джемса (1842-1910), предложившего постулат о целостности и динамике сознания человека, отраженный в концепции "потока сознания". В рамках этой концепции У. Джемс выделяет четыре базовых свойства сознания: "1) каждое состояние сознания стремится быть частью личного сознания; 2) в границах личного сознания его состояния изменчивы; 3) всякое личное сознание представляет непрерывную последовательность ощущений; 4) одни объекты оно воспринимает охотно, другие отвергает и, вообще, все время делает между ними выбор". Постулируя в качестве центрального факта сознания личностно-центрированные положения "я мыслю", "я существую", У. Джемс акцентирует феномен "Я-концепции", как системообразующий, что впоследствии привело к созданию такого направления как эгопсихология и инициированию многочисленных исследований индивидуальной, групповой и этнической идентичности. Интерпретируя феноменологию "потока сознания", У. Джемс разграничивает остановочные пункты и переходные промежутки этого потока и соответственно намечает возможность вычленения в структуре "потока сознания" *устойчивых* и *изменчивых частей*. Методом их вычленения может быть мысленный "анализ цельных, конкретных состояний сознания, сменяющих друг друга", отличие которого от вундтовской интроспекции заключается в нацеленности анализа на схватывание так называемых *психических обертонов*, характеризующих переход "потока сознания" от одного образа к другому. Мысли, сменяющие друг друга в "потоке сознания", благодаря психическим обертонам как бы перетекают друг в друга, вследствие чего становится возможным качественный скачок от одной конкретной мысли к иной, совершенно противоположной. Активность же субъекта (человека) проявляется в его способности производить выбор между различными мыслями (интенциями, мотивами, ценностями) в пределах собственного "потока сознания" [6, 8-12].

Ряд исследователей акцентируют различные формы и состояния сознания. Так В.М. Бехтерев (1857-1927) отмечает то, что степень осознанности психических процессов индивидуальна у разных людей и зависит от внешних и внутренних условий. При этом простейшей формой сознания является такое "состояние, когда еще не выработано ни одного более или менее ясного

представления, когда лишь существует неясное безотносительное чувствование собственного существования". Далее, градация сложности сознания развертывается от представлений самосознания, дифференцирующих "Я" и "не-Я", отражающих положение и схему собственного тела, до осознания пространства и выработки пространственных представлений, а также осознания последовательности явлений и выработки временных представлений. Значительно более сложную форму сознания представляет собой осознание человеком своей индивидуальности, своей личностной самобытности, ядро которой конституируют представления ценностного порядка – "нравственные, религиозные, правовые и пр.". Высшей степенью осознания или полным сознанием, по мнению В.М. Бехтерева, является такое состояние "когда человек, с одной стороны, обладает способностью по произволу вводить в сферу сознания те или другие из бывших прежде в его сознании представлений, с другой – может давать отчет о происходящих в его сознании явлениях, о смене одних представлений другими, иначе говоря, может анализировать происходящие в нем самом психические процессы" [6, 21-22]. Из этого следует, что высшей степенью интенсивности функции сознания является такое его состояние, когда человек способен управлять апперцепцией – содержанием сознания, наличным опытом и способен рефлексировать и управлять этой рефлексией.

Очевидно, что возникновение таких представлений закономерным образом ставило вопросы о детерминации содержания человеческого сознания и характере его связи с предметной действительностью. Разрешение этих вопросов, как правило, требует переосмысления, порой критического, положений, ставших традиционными и даже претендующих на статус аксиомы. Так, Л.С. Выготский (1896-1934) указывает на три проблемные области, три категории – психика, сознание, бессознательное, – способствовавшие возникновению различных форм редуционизма в теоретических построениях различных школ и подходов. Для традиционной (старой, докризисной) психологии характерным было отождествление психики и сознания (ассоционизм В.Вундта, интроспекционизм Э. Титченера). Для подходов, возникших в результате кризиса психологии на рубеже XIX-XX веков, характерным стало либо полное игнорирование проблемы сознания и изучение объективных переменных поведения животных и человека в рамках павловской лабораторной парадигмы (классический бихевиоризм Дж. Уотсона), либо акцентирование механизмов бессознательной сферы психики с очевидным креном в сторону попыток описания и объяснения психических аномалий и болезней (психоанализ З. Фрейда). Это приводило к тем или иным формам редуционизма (потери собственно психологической реальности) –

физиологического, в случае с бихевиоризмом и биологизаторского, в случае с фрейдизмом.

В работе "Сознание как проблема психологии поведения", написанной в качестве противовеса бихевиористическому и рефлексологическому редукционизму (игнорированию проблемы сознания классическим бихевиоризмом и отечественной рефлексологией), Л.С. Выготский отмечает ряд моментов, называя их "органическими пороками", которые приводят к методологическому обеднению психологии как науки. Во-первых, "игнорируя проблему сознания, психология сама закрывает себе доступ к исследованию сколько-нибудь сложных проблем поведения человека. Она вынуждена ограничиться выяснением самых элементарных связей живого существа с миром. ... И при этом ни одного психологического закона, который формулировал бы найденную связь или зависимость явлений, характеризующую своеобразие человеческого поведения, в отличие от поведения животного" [7, 78-79]. Именно сознание является психологическим механизмом, способным объяснить указанное "своеобразие человеческого поведения". Во-вторых, "отрицание сознания и стремление построить психологию без этого понятия ... ведет к тому, что методика лишается необходимых средств исследования ... внутренних движений, внутренней речи, соматических реакций и т.п. Между тем поведение человека организовано таким образом, что именно внутренние плохо обнаруживаемые движения направляют и руководят им" [7, 79]. За этими "внутренними движениями, внутренней речью" просматривается специфическая только для человеческого поведения активность сознания. В третьих, отрицание проблемы сознания приводит к тому, что "стирается всякая принципиальная грань между поведением животного и поведением человека ... Поведение человека изучается в той мере, в какой оно есть поведение млекопитающего животного. То принципиально новое, что вносит в человеческое поведение сознание и психика при этом игнорируется"[7, 80]. При этом в качестве такого "принципиально нового", по-видимому, следует считать специфически человеческие формы мышления, "промежуточные переменные" (по Э. Толмену), закрепленные в речевых знаках понятия и в целом культурно-исторически детерминированное семантическое содержание сознания как инстанции, управляющей поведением человека. Четвертым моментом является то, что "исключение сознания из сферы научной психологии сохраняет в значительной мере весь дуализм и спиритуализм прежней субъективной психологии", поскольку "допущение возможности объяснить все без остатка поведение человека, не прибегая к субъективным явлениям, построить психологию без психики – представляет вывороченный наизнанку дуализм субъективной

психологии – ее попытку изучать чистую, отвлеченную психику" [7, 80-81]. То есть, здесь налицо все тот же редукционизм и потеря психической реальности как предмета исследования. Пятый момент заключается в том, "изгоняя сознание из психологии, мы прочно и навсегда замыкаемся в кругу биологической нелепости", поскольку "невозможно изучать поведение человека, сложные формы его соотносительной деятельности безотносительно к его психике; или это не так – тогда психика эпифеномен, побочное явление, раз все объясняется и без нее, тогда мы придем к биологическому абсурду. Третья возможность не дана" [7, 81]. И, наконец, шестой момент критики сводится к тому, что при исключении сознания "навсегда закрывается доступ к исследованию главнейших проблем – структуры нашего поведения, анализа его состава и форм. Мы навсегда обречены оставаться в при ложном представлении, будто поведение есть сумма рефлексов". Отмечая методологическую ценность понятия "рефлекс", Л.С. Выготский настаивает на том, что "оно не может стать основным понятием психологии как конкретной науки о поведении человека", поскольку "надо изучать не рефлексы, а поведение – его механизм, состав, структуру" [7, 81-82]. В роли и качестве такого механизма человеческого поведения и выступает сознание. В связи с этим "сознание не приходится рассматривать биологически, физиологически и психологически как второй ряд явлений. Ему должно быть найдено место и истолкование в одном ряду явлений со всеми реакциями организма" [7, 83]. Только при таком подходе психология может и должна объяснить "основные вопросы, связанные с сознанием, – проблему сохранения энергии, самосознание, психологическую природу познания чужих сознаний, сознательность трех основных сфер эмпирической психологии (мышления, чувства, воли), понятие бессознательного, эволюцию сознания, тождество и единство его" [7, 83]. Анализируя специфику рефлексов, характерных для человеческого поведения, Л.С. Выготский, подчеркивает, что "сознание есть взаимодействие, отражение, взаимовозбуждение различных систем рефлексов" [7, 89]. При этом в сознании оцениваются всевозможные версии поведения, множество из которых остаются неосуществленными, но сохраняясь и переосмысливаясь, они могут полноценно участвовать в последующих актах поведения. Сознание как механизм человеческого поведения является вместилищем опыта, характерного только для человека – "исторического, социального и удвоенного", (т.е. удвоенного через освоение трудовых навыков вначале с образцами и моделями, затем с реальными предметами и объектами). Подчеркивая социальную обусловленность сознания и самосознания человека, Л.С. Выготский говорит, что "мы сознаем себя, потому что мы сознаем других, потому что мы сами в отношении себя являемся тем же

самым, чем другие в отношении нас. Я сознаю себя только постольку, поскольку я являюсь сам для себя другим, т.е. поскольку я собственные рефлексы могу вновь воспринимать как новые раздражители". Из этого следует вывод о том, "что социальному моменту в сознании принадлежит временное и фактическое первенство. Индивидуальный момент конструируется как производный и вторичный, на основе социального и по точному его образцу". Социальным по своей природе является и самосознание человека, так как "сознание есть как бы социальный контакт с самим собой" [7, 96], а в развернутом виде это диалог с самим собой, протекающий в форме внутренней речи. В дальнейшем эти положения легли в основу культурно-исторического подхода к человеческой психике, разработанного Л.С. Выготским.

В качестве конструктивной альтернативы традиционной психологии и претендующим на объективную истину бихевиоризму и рефлексологии, по мнению Л.С. Выготского, должна выступить диалектическая психология с новым методологическим требованием: "мы должны изучать не отдельные, вырванные из единства психические и физиологические процессы, которые при этом становятся совершенно непонятными для нас; мы должны брать целый процесс, который характеризуется со стороны субъективной и объективной одновременно" [7, 134-135]. Только при таком подходе изучения психической реальности возможно сведение воедино генетического и социального, культурного и исторического принципов анализа человеческого сознания.

С.Л. Рубинштейн (1889-1960), разработавший изначально основы деятельностного подхода в психологии, исходит из положения о том, что явления психики, в том числе и сознание, возникают при взаимодействии человека с объективной реальностью, вследствие ее воздействия на человека. Поэтому, человеческое сознание по своей сущности это "осознание вне его находящегося объекта, который в процессе осознания трансформируется и выступает в форме, в виде ощущения, мысли" [8, 37]. С.Л. Рубинштейн подчеркивает методологическое положение о единстве сознания, ощущения и мышления с объектом, который репрезентируется в них. В этом положении выражаются принципы материалистического монизма и отражения, детерминизма и развития, как основополагающих в теории и практике познания. Психическая активность человека в форме и в виде сознания, по словам С.Л. Рубинштейна, проявляется в способности субъекта выходить "за пределы своего собственного одиночного существования, отдавать себе отчет в своем отношении к миру, к другим людям, подчинять свою жизнь обязанностям, нести ответственность за все содеянное и все упущенное, ставить перед собой задачи

и, не ограничиваясь приспособлением к наличным условиям жизни, изменять мир – словом, жить так, как живет человек и никто другой" [8, 273].

Согласно этому подходу, при анализе проблемы генезиса сознания человека необходимо опираться на объективные эволюционно-исторические данные. Качественное отличие эволюции человека от предшествующего развития животных детерминировано новыми формами общественного бытия, порождающими "и новые формы психики, коренным образом отличные от психики животных, – *сознание* человека" [9, 130]. В эволюционной науке основным законом является положение о единстве строения и функции, которое объясняет происхождение и эволюцию сознания человека процессами трудовой деятельности. В связи с этим, главная линия эволюции "психики, сознания человека заключается в том, что человек развивается, трудясь: изменяя природу, он изменяется сам; порождая в своей деятельности –практической и теоретической – предметное бытие очеловеченной природы, культуры, человек вместе с тем изменяет, формирует, развивает свою собственную психическую природу" [9, 148].

Поэтому специфика человеческой психики и сознания детерминирована характером общественно-трудовой деятельности, посредством которой человек подчиняет себе природу, осознает себя и свое отношение к окружающей действительности и другим людям. Рассматривая феномен специфически человеческой деятельности, как особой формы осознанного поведения, С.Л. Рубинштейн отмечает, что "целенаправленность действия, основывающегося на предвидении и совершающегося в соответствии с целью, составляет основное проявление сознательности человека, которая коренным образом отличает его деятельность от несознательного, "инстинктивного" в своей основе поведения животных" [9, 131]. Более того, как отмечает С.Л. Рубинштейн, в отличие от инстинктивных актов поведения "в трудовых действиях размыкается непосредственная связь между влечением, в котором выражается потребность, и способом ее удовлетворения ... расчленяется, с одной стороны, предмет, который является целью действия, с другой – побуждение ... Из предмета и побуждения начинает выделяться отношение субъекта к окружающему и к собственной деятельности. ... цели человеческой деятельности отвлекаются от непосредственной связи с его потребностями и благодаря этому впервые могут быть осознаны как таковые. Деятельность человека становится *сознательной* деятельностью. В ходе ее и формируется и проявляется *сознание* человека, как отражение независимого от него объекта и отношение к нему субъекта" [9, 149]. Результатом такого отвлеченного побуждения как опредмечивания исходной потребности является мотив действия, в более

широком плане мотивационная основа деятельности. За всеми этими процессами стоит сложная, многоаспектная активность сознания, как эволюционного новообразования в системе психики человека и регулятора его деятельности, как внутренней – умственной, так и внешней – практической.

Осуществляемое человеком определение и "векторизация" цели (целеполагание) деятельности, направленной на преобразование окружающей реальности, включая самого себя, а также на приспособление к ней, выступает в качестве основополагающей функции сознания. Целевое оформление и регуляция исполнения действий (произвольных или непроизвольных) "связаны с различными уровнями психической деятельности – неосознанной, осознанной и сознательной" [8, 272]. Последнее можно соотносить с такими уровнями психической активности как установка (досознательная форма психики по Д.С. Узнадзе), внимание (направленность сознания на предметы и явления, характеризующиеся ситуативной или личностной значимостью для субъекта) и воля (регулирующая сторона сознания, определяющая меру произвольности и самостоятельности осуществляемых действий, а также свободу выбора личностью различных альтернатив и меру личностного самоопределения).

Другой, не менее важной функцией сознания человека является обработка и репрезентация знаний, отражающихся в сознании в виде субъективных копий-образов, представляющих предметы и явления реальности. С.Л. Рубинштейн, постулируя положение о том что "в психологическом плане сознание выступает реально прежде всего как процесс осознания человеком окружающего мира и самого себя"[8, 275], прямо связывает эту функцию с наличием у человека сознания, и речевой системы и подчеркивает, что "в процессе жизни, общения, обучения сложилась или складывается такая совокупность (или система) объективированных в слове, более или менее обобщенных знаний, посредством которых он может осознавать окружающее или самого себя, опознавая явления действительности через их соотношения с этими знаниями" [8, 276]. Изучение сознания человека именно с этой стороны – как совокупности знаний, как своеобразного психологического процессора знаний, как семантической системы преобразования знаний и т.д. привело к возникновению и конструктивному развитию таких направлений как когнитивная психология, психология субъективных семантик и психосемантика, психодиагностика и психолингвистика.

Третьей функцией сознания является складывающаяся у человека система отношений. Согласно С.Л. Рубинштейну, осознание человеком своих "психических процессов и явлений совершается опосредованно, через их соотнесение с объективным миром" [8, 277]. Ведущую роль в процессе этого

опосредования (т.е. выработки отношений) играют эмоции и чувства, аффекты и стрессы, различные кризисные состояния, которые традиционно включались в систему переживаний. Так, согласно Ф.Е. Василюку, результатом переживания всегда является "нечто *внутреннее* и *субъективное* – душевное равновесие, осмысленность, умиротворенность, новое ценностное сознание и т.д., в отличие от *внешнего* продукта практической деятельности и *внутреннего*, но *объективного* (не в смысле неперменной истинности по содержанию, а в смысле отнесенности ко внешнему по форме) продукта познавательной деятельности (знания, образа)" [10, 13]. В понятии "отношения" сфокусированы и особая субъективная форма пристрастности человеческого сознания в диапазоне от органических переживаний и эмоций, как ценностных переживаний (Б.И.Додонов), до собственно личностных и нравственных ценностей, и категория общения как системы психосоциальных отношений (М.Г. Ярошевский), и способность человеческого сознания оперировать знаковой системой, т.е. языком и мышлением в целях общения и в целях определения отношения к реальности (Л.С. Выготский: знак – это единство общения и обобщения). В соответствии с разработанной В.Н. Мясищевым теорией отношений, "психологическим ядром личности является индивидуально-целостная система ее субъективно-оценочных, сознательно-избирательных отношений к действительности, представляющий собой интериоризованный опыт взаимоотношений с другими людьми в условиях социального окружения" [11]. Из этого определения следует, что сознание человека не только вбирает социально-ориентированные отношения (интериоризация), но и организует и регулирует их в условиях реального общения и взаимодействия.

И, наконец, четвертой функцией сознания является самосознание, как индивидуально-своеобразная форма рефлексии человеком самого себя, как "Я–концепция" человека, как психологический стержень человеческой индивидуальности и личности, понимаемой не столько как биосоциальное образование, сколько как результат психосоциального развития, т.е. обогащения индивидуального сознания социальным и культурным содержанием. Самосознание, по словам С.Л. Рубинштейна, "всегда есть познание не чистого духа, а реального индивида, существование которого выходит за пределы сознания и представляет собой для него объективную реальность" [8, 273]. Иными словами, в самосознании прежде всего как отправная точка фиксируется "Я–реальное" человека и только затем другие составляющие эгопсихологии, такие как "Я–идеальное" и "Я–зеркальное". Вместе с тем, по мнению И.И. Чесноковой, "самосознание не есть самостоятельное явление психики. Оно – то же сознание, только с иной направленностью. Человек ..., выделив себя из этого

мира и противопоставляя себя ему, осознает и себя как личность, свои особенности, своеобразие и определенным образом относится к себе. Если сознание ориентировано на весь объективный мир, то объектом самосознания является сама личность. В самосознании она выступает и как субъект, и как объект познания" [12, 29]. Психологическая сущность самосознания "состоит в восприятии личностью многочисленных "образов" самой себя в различных ситуациях деятельности и поведения, во всех формах взаимодействия с другими людьми и в соединении этих образов в единое целостное образование – в представление, а затем в понятие своего собственного Я как субъекта, отличного от других субъектов. В результате развернутых актов самосознания ... формируется все более совершенный, глубокий и адекватный образ собственного Я. В структурном отношении самосознание представляет собой единство трех сторон – познавательной (самопознание), эмоционально-ценностной (самоотношение) и действенно-волевой, регулятивной (саморегуляция)" [12, 30]. Представленная структура самосознания хорошо соотносится с выделенными В.Д. Небылицыным (1930-1972) тремя компонентами индивидуальности, а именно: а) общая активность – самопознание; б) моторика – саморегуляция; в) эмоциональность – самоотношение. В означенных составляющих индивидуальности отражено диалектическое единство побуждения, действия и переживания [13], центрированное в самосознании человека.

Научный анализ проблемы сознания связан с применением "принципа детерминизма в его диалектико-материалистическом понимании, согласно которому внешнее воздействие всегда опосредуется внутренними условиями" [8, 131]. Внешние стимулы (воздействующие явления и объекты) отражаются и преобразовываются в сознании в образы. С.Л. Рубинштейн прямо говорит о том, что "собственно *сознание* в отличие от психического вообще начинается с появлением образа предмета (объекта) в специальном гносеологическом значении этого термина" [8, 220]. Человек осознает образы предметов и явлений, в той или иной мере их обобщает и объективирует их в значениях слов. Используя их в условиях речевого общения, он передает их другим и как знания о тех или иных предметах и явлениях и как субъективные отношения к ним. Другими словами, в структуре сознания можно наметить такие страты как 1) чувственно осознаваемые образы предметов, 2) их словесные или символические значения и 3) личностно окрашенные и переживаемые отношения к ним. С этим представлением о структуре сознания согласуется и основополагающее положение о единице, "ячейке", "клеточке" психики. Традиционная (ассоциативная) психология считает в качестве таковой ощущение,

представление, идею, а поведенческая (бихевиоризм, рефлексология) психология – реакцию или рефлекс. Соответственно, в одном случае утверждается созерцательное, бездейственное сознание, в другом – неосознаваемую, механическую действенность и бессознательную импульсивность. С.Л. Рубинштейн утверждает в качестве исходной единицы психики *действие*, в основе которого находится *психическое переживание*. В жизни и деятельности человека психические переживания и действия образуют активное и индивидуально своеобразное психическое содержание, опосредующее вначале практическую деятельность, из которой выделяется теоретическая деятельность. Соответственно, сформированное внешнее действие приводит к возникновению внутреннего действия. Обе формы действия отражаются и переживаются в сознании в форме актов, связанных с определенными потребностями, исходящими из определенных мотивов и направляемых на определенную цель, "учитывая условия, в которых эта цель достигается, действие выступает как решение встающей перед индивидом задачи" [9, 174]. Акцентируя социальный, общественно-значимый характер действий человека, меру их осознанности, С.Л. Рубинштейн предлагает считать их более высоким уровнем *поступок*, определяя его как "действие человека, в котором выявляется его общественная природа, т.е. такой акт поведения, в котором ведущее значение приобретает отношение человека к другим людям" [9, 175].

Литература

1. Психологический словарь / Под ред. В.В. Давыдова, А.В. Запорожца, Б.Ф. Ломова и др.; НИИ ОПП АПН СССР. – М.: Педагогика, 1983. – 448 с.
2. Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии. Теоретические проблемы развития психологической науки. – М.: Политиздат, 1974. – 447 с.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.
4. Лурия А.Р. Эволюционное введение в психологию. Материалы к курсу лекций по общей психологии. – М.: МГУ, 1975. – 128 с.
5. Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. – М.: МГУ, 1982. – 336 с.
6. Психология сознания / Сост. и общ. ред. Л.В. Куликова. – СПб.: Питер, 2001. – 480 с.

7. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1982.
8. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 328 с.
9. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1946. – 704 с.
10. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.
11. Мясищев В.Н. Структура личности и отношения человека к действительности // Психология личности. Тексты / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. – М.: МГУ, 1982. – С. 35-41.
12. Чеснокова И.И. Проблема самосознания в психологии. – М.: Наука, 1977. – 144 с.
13. Небылицын В.Д. Психофизиологические исследования индивидуальных различий. – М.: Наука, 1976. – 336 с.
14. Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. – С. 15-36.
15. Бернштейн Н.А. Очерки физиологии движений и физиологии активности. – М.: Медицина, 1966. – 176 с.
16. Анохин П.К. Философские аспекты теории функциональных систем // Избранные труды. – М.: Мысль, 1976. – 400 с.
17. Василюк Ф.Е. Структура образа (К 90-летию со дня рождения А.Н. Леонтьева) // Вопросы психологии. 1993. № 5. – С. 5-19.
18. Митькин А.А. О роли индивидуального и коллективного сознания в социальной динамике // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 5. С. 105-111.
19. Ратинов А.Р. Структура правосознания и некоторые методы его исследования // Методология и методы социальной психологии / Отв. ред. Е.В. Шорохова. – М.: Наука, 1977. С. 201-216.

20. Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. – М.: "Когито-Центр",
Издательство "Институт психологии РАН", 1997. – 432 с.
21. Tart C.T. States of consciousness. N.Y.: Dutton, 1975. – 305 p.
22. Tart C.T. Transpersonal Realities or Neurophysiological Illusions? Toward an Empirically Testable Dualism (P. 199-222) // The Metaphors of Consciousness (ed. by R.S. Valle and R. von Eckartsberg). N.Y.: Plenum Press, 1981. – 521 p.
23. Wilber K. Psychologia Perennis: The Spectrum of Consciousness (P. 74-86) // Beyond Ego,
Transpersonal Dimensions in Psychology (ed. by R.N. Walsh and F. Vaughan). Los Angeles: Tarcher, 1980. – 272 p.
24. Солсо Р.Л. Когнитивная психология / Под общ.ред. В.П.Зинченко. М.: Тривола, 1996. 600 с.
25. Sanford A. J. Cognition and Cognitive Psychology. N.Y., 1985. – 435 p.
26. Morton J. The logogen model and orthographic structure // U. Frith (ed.). Cognitive processes in spelling. London, 1980.
27. Величковский Б.М. Как устроен естественный интеллект // Природа. 1988. № 12. – С. 62-72.
28. Налимов В.В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. – М.: Прометей, 1989. - 288 с.